АЛАСДЕР МАКИНТАЙР

Императивы, причины действия и этика¹

Тезис о том, что этические высказывания так или иначе в большинстве случаев стоят в повелительном наклонении (или что, по крайней мере, они хотя бы напоминают императивы), интересен не только тем, что он может пролить свет на природу этих высказываний, но также из-за того, что проект объяснения моральных понятий с помощью грамматических категорий, таких как императив, несомненно, повлиял на наше понимание возможной связи между наукой о языке и философией. В силу того, что данный очерк носит скептический характер, я не рассматриваю различные версии приведенного тезиса. Вместо этого, для того чтобы выяснить выражается ли средствами повелительного наклонения любая разновидность моральных высказываний, сначала я исследую природу этого наклонения, а затем, чтобы понять возможную роль императивов в практическом дискурсе — отношение между императивами и рациональными причинами действия. В конечном счете некоторые рассуждения об этическом дискурсе возникают сами собой.

I.

Есперсен пишет, что «повелительное наклонение используется для выражения требования, которое в зависимости от обстоятельств может варьироваться от грубых приказов до униженных просьб, где интонация служит, в целом, ключом к точному значению»². Хэйр указывает, что

¹ Перевод с английского Марины Томилиной по изданию MacIntyre Alasdair. Imperatives, reasons for action, and morals // *MacIntyre A. Against the Self-Images of the Age. Essays in Ideology and Philosophy.* Gerald Duckworth & Co. Limited, London, 1971. P. 125–135. Сверка – Андрей Веретенников, редактор – Юлия Кульгавчук.

² Otto Jespersen, *Essentials of English Grammar* (London: Allen & Unwin; New York: Holt, Rinehart and Winston, 1933), p. 294. В книге *A Modern English Grammar on Historical*

«предложения в изъявительном наклонении используются, чтобы объяснить кому-то, что нечто имеет место быть; напротив, императивы используются для того, чтобы побудить кого-либо сделать что-либо³». Тем не менее это согласие между филологом и философом вызывает сомнения. Оба, как кажется, утверждают, что класс императивных предложений может быть выделен посредством указания на их использование или функцию. Но когда Фанни Фармер говорит: «Возьми шесть яиц», она, конечно, не приказывает, не умоляет и даже не просит; и когда, отдавая приказ, офицер произносит: «Назначаются в караул в 18.00: Смит, Джонс, Робинсон», индикативы используются для того, чтобы приказывать кому-то сделать что-то. Эти простые примеры заставляют усомниться в том, правильно ли Есперсен и Хэйр охарактеризовали связь между грамматической формой и лингвистической функцией. Для того чтобы усилить это сомнение, я хочу выяснить, как, пытаясь понять незнакомый язык чужой культуры, мы можем узнать, содержит ли этот язык предложения в повелительном наклонении и как мы можем их обнаружить.

Первый момент, который можно выделить из вышеперечисленных примеров: предложения в повелительном наклонении могут иметь больше одного назначения. Конечно, они обычно используются, чтобы приказывать некой персоне сделать что-либо. Но они также часто используются для того, чтобы сказать кому-то *как* это сделать. Легко понять, что одна и та же форма используется и для того, и для другого. Для набора инструкций в поваренной книге или инструкции по плотницкому делу верно следующее: когда их пересказывает хозяйка слуге или плотник своему ученику в каком-то конкретном случае в качестве инструкции по выполнению какого-то конкретного задания, они становятся набором приказов и просьб. Верно и то, что существование одной грамматической формы, благодаря которой это возможно, является случайной чертой английского, латыни и других языков. При изучении незнакомого языка сначала следует узнать, являются ли две функции «говорения» кому-либо сделать что-то и указания на то, как это сделать, одной и той же грамматической формой.

Во-вторых, если внимание будет сконцентрировано на «говорении кому-то», мы должны быть осторожными в проведении различий между предложениями императивной и неимперативной формы. Последние служат для выражения желаний, которые переводятся как «Я хочу, чтобы ты сделал» или «Не мог бы ты сделать». Оба класса предложений будут применяться в высказываниях, в которых указание на действие для некоего лица или группы лиц часто будет предшествовать выполнению действия адресатами высказывания. Это действие будет выполняться

Principles (Heidelberg: C. Winter, 7 vols., 1909–49; London: Allen & Unwin, 1927–50) Есперсен добавляет к требованиям пожелания и разрешения.

³ R. M. Hare, *The Language of Morals* (London and New York: Oxford University Press; 1952), p. 5.

именно потому, что о нем было только что сказано. Но в этих двух случаях причина совершения действия может быть разной. «Я сделал это, потому что ты хотел» сильно отличается от «Я сделал это, потому что ты сказал мне». Тем не менее те императивы, которые используются для выражения просьб, часто заменяются выражениями желания. Выражение «Я бы хотел лимонад» может быть заменено выражением «Дайте мне лимонад». Соответственно, последнее предложение может служить выражением желания. И это тоже является совершенно понятным, так как «самый простой признак, что кто-то что-либо желает, это когда он *пытается это получить*»⁴, а произнесение императива в качестве либо команды, либо просьбы является яркой иллюстрацией этого тезиса. Однако из этого следует, что задача по различению подлинных императивов и предложений вида «я желаю» становится еще сложнее. Тем не менее, в силу уже приведенных соображений, это разделение крайне важно — причина действия субъекта, которому адресован императив, обычно отличается от той, которую предполагает выражение желания. Кроме того, императив, если он действительно используется для того, чтобы побудить кого-нибудь к действию, не всегда выражает частную волю или желание говорящего. Когда офицер, которому все надоело, командует «На караул!», его желание на самом деле может состоять в том, чтобы все кавалеристы свалились со своих коней.

Следовательно, для отграничения императивной формы высказываний какого-то языка необходимо выделить форму, которая может выполнять ряд определенных и при этом достаточно разнообразных функций, причем эти функции не образуют очевидного единства, хотя каждая из них явно связана с какой-либо другой. Из этого, по-видимому, следует, что у нас нет априорного основания для ожидания появления такой же грамматической формы в других языках. Кроме того, даже в нашем языке эта форма не позволяет выбрать однородный и строго определенный класс высказываний. В силу того что все, что явно определяется понятием императива, есть лишь грамматическая форма, то будет, по меньшей мере, заблуждением начинать с понятия императива, а затем объяснять природу, например, моральных предписаний или любой другой разновидности использования языка при помощи сравнения их с императивом. Чтобы подчеркнуть этот аспект, стоит исследовать отношения между «говорением чтобы» (telling to), «говорением как» (telling how) и «говорением что» (telling that).

«Говорение как» само по себе достаточно для устранения любой четкой привязки императивов к «говорению чтобы», индикативов к «говорению что». Инструкции, которые говорят кому-либо, как приготовить пирог или собрать шкаф, могут в равной степени быть выражены и в императивной, и в индикативной форме (в повелительном и изъяви-

⁴ *Anscombe G. E. M. Intention. Oxford: Basil Blackwell, Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 1957. P. 68.*

тельном наклонении). Будучи выражены в изъявительном наклонении, инструкции примут форму утверждений, которые будут истинны или ложны по отношению к причинам и следствиям. В этом случае «говорение как» и «говорение что» совпадут точно так же, как могут совпасть «говорение чтобы» и «говорение как» в инструкциях, предназначенных для того, чтобы сделали нечто, и объясняющих как это сделать. Следовательно, отдельное высказывание может оказаться случаем «говорения чтобы», но не «говорения как», или «говорения чтобы» и «говорения как», или «говорения чтобы», но не «говорения что» и т.д. Причем не только в силу смысла и референции высказывания, но также в зависимости от того, кто и кому говорит, с каким намерением и в какой форме он это делает. Иногда только смысл и референция слов, без знания контекста, позволяет нам точно определять цель, которой служат эти слова; иногда те же самые слова с тем же смыслом и референцией будут предназначены для достижения совершенно иной цели. А эту цель, в свою очередь, можно правильно определить только при установлении характера и контекста высказывания. Этот аргумент о смысле и референции будет истинным и в отношении грамматической формы.

До сих пор я использовал выражение «говорить кому-то сделать что-то» так, как будто оно не нуждается в дальнейшем разъяснении. Но я могу сказать кому-то сделать что-то в виде предостережения, совета, угрозы или приказа. И я могу попросить что-то сделать в виде просьбы, мольбы или упрощения. Во всех этих случаях я могу использовать повелительное наклонение. Но могу ли я использовать императив, когда я говорю или прошу сделать что-то, но при этом мое высказывание не является ни одним из вышеперечисленных вариантов, ни разновидностью таковых? Могу ли я четко сказать: «Я не предупреждал, советовал или приказывал; я только сказал ему сделать это»? Конечно, есть ситуации, когда мы точно можем сказать про другого человека, что он говорит кому-то сделать что-то, но мы не можем более подробно описать, как он это делает. Могут ли быть такие ситуации, где нельзя применить ни одно из описаний указанного типа? Представьте себе, что было бы нужно исключить, чтобы у нас появился такой случай.

Если я советую, предупреждаю или угрожаю вам, я усиливаю свой императив имплицитно или эксплицитно, указывая вам на причины для действия; именно характер причин делает из императива совет, а не предупреждение; или, напротив, предупреждение, а не угрозу. Тон голоса или выбор слов может указывать на то, что сказанное является угрозой. Но идет ли речь действительно об угрозе, мы можем установить лишь эксплицитно или имплицитно получив от человека, произносящего императив, ответы на следующие вопросы: «А что мне будет, если я не сделаю?» и «А что, если я сделаю?» Если я приказываю или отдаю вам команду, то обычно императив становится приказом или командой в силу того, что произносящий императив человек занимает определенную позицию в некоторой иерархии, в которую входит и тот, ко-

му адресован императив. Здесь нужно прояснить, по крайней мере, две неясности. Во-первых, императив, высказанный представителем вышестоящей инстанции представителю нижестоящей, не всегда является приказом. Частные просьбы или угрозы представителя вышестоящей инстанции представителю нижестоящей не считаются приказами, так как не соответствуют надлежащей форме. Характер правильной формы зависит от типа иерархии; в большинстве армий императив должен быть выражен в форме приказа словами: «Это приказ». Во-вторых, мы иногда называем некоторые императивы приказами, когда лицо, отдающее приказ, поступает так, как если бы он был представителем вышестоящей инстанции по отношению к представителю нижестоящей инстанции, хотя фактически он таковым не является. Таким образом, мы можем говорить, что какой-то человек отдает приказ другому человеку, хотя ни тот, ни другой не включены в иерархические отношения.

Когда отдается приказ, то его исполнитель тем самым получает некоторую причину и, возможно, причину для действия. Какова эта причина — зависит, видимо, от последствий неповиновения приказу, а также от того, верит ли исполнитель в релевантность данного приказа. Таким образом, в случае приказов, команд, а также в случае предупреждений, советов и угроз, особенность императива состоит в тех типах причин, в силу которых говорящий произносит высказывание, а слушающий действует согласно тому, что было сказано. Следовательно, если отбросить все особенности императива, кроме тех, которые принадлежат непосредственно самому императиву, то есть рассматривать чистый случай «говорения чтобы», то мы получим императив, который не будет иметь ни эксплицитных, ни имплицитных причин, заставляющих исполнителя действовать согласно императиву.

Конечно, такая разновидность вполне *может* существовать. Два незнакомца сидят на лавочке в парке. Один говорит: «Подберите окурки». Как должен отнестись к этому другой? Предположим, что он спросит: «Вы просите, угрожаете или что-то еще?» — и получит ответ: «Я просто говорю вам, чтобы вы это сделали». Как он или мы должны это понимать? Мы вполне можем понять значение сказанного, но можем ли мы понять природу его высказывания? Рассмотрев сложности, возникающие в том случае, если мы попытаемся дать ясный ответ на этот вопрос, я могу теперь предложить несколько предварительных выводов. Я начал с тезиса о том, что императивы и индикативы являются противоположными формами высказываний, каждая из которых выполняет определенную функцию: указания сделать что-либо и, соответственно, сообщения о положении вещей. Я привел контраргументы этому тезису, утверждая, что императив в качестве грамматической формы высказывания выполняет еще множество иных функций. И хотя императивная форма используется в качестве побуждения для выполнения действий, особенность побуждения к действиям состоит не только в произнесении императива, но в том, что за ним стоят определенные причины для

действия. Особенность императивного предписания зависит от характера этих причин. Так как причины для действия выражаются в индикативной форме, то отношение между выражениями в изъявительном наклонении и выражениями в повелительном наклонении оказывается центральным для нашего исследования. Пока нам удалось показать только то, что не следует концентрировать внимание только на грамматической форме.

II.

Философское исследование отношения между императивами и доводами в основном концентрировалось на отношениях дедуктивного следования, в которое могут входить императивы. Это исследование чаще всего проводилось, исходя из неявно предполагаемых (и весьма значительных) различий между фактами и ценностями, описанием и предписанием и т.д. Не ставя перед собой таких грандиозных целей, хотелось бы указать на некоторые аспекты отношения между императивными предписаниями и причинами действия, от которых зависит, выступают ли императивы в качестве, с одной стороны, угроз, предупреждений и, с другой стороны, в качестве приказов и команд. Во-первых, тот, кому адресован приказ, выраженный в виде предупреждения или угрозы, может поступить тремя различными способами. Он может подчиниться приказу, делая так, как ему сказано, или, опасаясь последствий своего бездействия, предпримет ответные меры. Он может не поверить в то, что за приказом действительно может последовать наказание, и не подчиниться ему. Он также может поверить в то, что это действительно приказ, но не поверить в то, что основания приказа достаточно веские для того, чтобы ему подчиниться. Для прояснения различия между обоснованными и необоснованными приказами я остановлюсь на первом и третьем случаях. Допустим, что человеку, напуганному возможными последствиями своего поступка, дает совет его друг. Совет заключается в том, чтобы он поступил противоположным образом. Шантажист говорит: «Подделай чек», намекая или подразумевая, «иначе я испорчу тебе репутацию». Друг говорит: «Не подделывай чек. Ты будешь всегда жалеть об этом». (Заметьте, что в данном примере императивы используются с целью убеждения. Но здесь их не следует так использовать. Человека, который ищет совета, не нужно убеждать. Это зависит от его намерений, а не от грамматической формы высказывания). Если человек, которому адресован этот императив, мог бы быть уверен, что он не будет сожалеть о своих действиях или что шантажист не испортит его репутацию, у него бы не было причин подчиниться ни мошеннику, ни другу. А если он подчинится, то его действия будут иррациональны в том смысле, что они приведут к результатам, противоположным тем, которых он хотел добиться. «У меня есть причины только для того, чтобы сделать X, а не Y, но я делаю Y, а не X» — это открытое признание ирра-

циональности собственных поступков. Для этого случая существует аналог в области императивов.

Высказывание «У вас есть причины для того, чтобы сделать X, но не Y, но сделайте Y, а не X» не нарушает никаких лингвистических правил, не является противоречивым и не влечет за собой противоречия, но, исходя из вышесказанного, оно нелогично и кажется абсурдным. Такие высказывания обречены на неудачу, так как они не только не предоставляют причин для действия, но описывают причины, по которым от этого действия стоит воздержаться. Таким образом, проясняется связь между императивом и обосновывающей его причиной, причем не в смысле прямой логической связи между императивным предложением и предложением, выражающим причину для действия, а в смысле связи между действием и обосновывающей его причиной. Теперь вернемся к случаю, когда агент действия обдумывает противоположные и несовместимые предписания, каждое из которых поддерживается весомыми для него причинами. Учитывая то, что его желания, цели и планы никак не будут затронуты его выбором, он не поступит иррационально, предпочтя одну альтернативу другой. Однако его выбор будет знаком того, что он все-таки предпочел одну из них.

Точно так же человек, произносящий императивное предложение и обосновывающий его какой-либо причиной, подразумевает не то, что из этой причины следует произнесенный им императив, а то, что причина, которую он привел, перевешивает все остальные причины. Высказывание «Сделай X, хотя есть гораздо более серьезные причины, чтобы сделать Y, а не X» говорит само против себя. Из этого следует, что пока нам неизвестны доводы против подчинения императиву, неизвестна и подлинная сила императива, полностью зависящая от обосновывающих его причин. Так как, в принципе, всегда могут существовать доводы более веские, нежели уже представленные, каждое предписание может быть отброшено. Не потому, что причины, рассмотренные до сих пор, являются недостаточно вескими сами по себе, но потому, что вполне могут существовать причины, более важные для данного субъекта. Мы должны, таким образом, отметить, что предложение «Есть очень важная причина для того, чтобы сделать X и не делать Y, но следует сделать Y, а не X» не только имеет смысл, но и не подразумевает сомнения ни в истинности утверждения, согласно которому X лучше Y, ни в том, что эта причина является подходящей. Предполагается лишь вера в то, что всегда можно обнаружить уравновешивающие друг друга доводы.

Понятно, что приведенное выше рассуждение не подходит для описания взаимоотношений между императивными предписаниями, выражающими приказы или команды, и причинами, по которым им подчиняются. В самой сущности приказа заключено то, что делает его именно приказом, то есть то, благодаря чему наличие или отсутствие подходящих причин для подчинения ему несущественно. Действенность угрозы зависит от силы, на которую она опирается; действенность коман-

ды зависит от властных полномочий отдающего ее человека. Лицо, отдающее приказ, может обладать, но может и не обладать достаточно вескими для него причинами; исполнитель может обладать, но может и не обладать причинами, достаточно вескими для подчинения. Тем не менее приказ является приказом вне зависимости от этих причин. Поэтому приказы в этом отношении отличаются от угроз, предупреждений и советов. Правильно, и даже необходимо, говоря о приказах, называть их также императивными предписаниями, которые обосновываются причинами для действия; но основная причина, благодаря которой я действую так, как мне приказано, заключается просто в том, что мне так приказано (учитывая то, что я являюсь подчиненным отдающего приказ).

Как следствие, выделив приказы в особую группу, я хотел бы привести несколько очевидных следствий из того, что было сказано о составляющих сущность советов императивных предписаниях. Среди утверждений, с помощью которых я могу подтвердить императивное предписание, например, советуя что-либо, можно найти несколько вариантов утверждений с «долженствованием» («ought» statement). Утверждения типа «Ты должен лежать в постели с такой высокой температурой», которые обычно обосновывают императивное предписание, могут быть перевешены в плане мотивации такими утверждениями, как «Но эту статью нужно закончить к завтрашнему дню». Тот, кто в свете этого соображения не примет во внимание предписание «лечь в постель», может безо всякого противоречия признать, что он должен это сделать. То есть в случае такого утверждения «долженствования» я могу последовательно и не кривя душой подтвердить утверждение, являющееся причиной предписания, не подчиняясь в то же время самому предписанию.

Аналогичным образом отдающий приказ может без всякой непоследовательности или иррациональности, будучи вполне уверенным в правильности утверждения «долженствования», заявить: «Вы должны сделать X, а не Y, но сделайте Y, а не X». Однако какие именно утверждения «долженствования» мы рассматриваем? Значение слова «должен» в предложении «С такой высокой температурой ты должен лечь в постель» проясняется, если считать его эквивалентным предложению «Если ты не ляжешь в постель, тебе станет хуже». Рассмотрим теперь другой тип утверждения «долженствования», примером которого является высказывание «Ты должен заплатить налоги до первого января». Смыслом «долженствования» в этом случае является отсылка к некоторому твердому общеизвестному правилу, в данном случае к законодательному акту, и «ты должен» можно расширить до выражения «ты обязан» («you are obliged to»), которое сделало бы предыдущий пример бессмысленным. Очевидно, что этот тип утверждений может также служить в качестве причины, обосновывающей императивное предписание. Как и во всех подобных случаях, противоположные причины могут оказаться важнее, так что человек, искренне верящий в истинность этого утверж-

дения, может без всякой непоследовательности не принимать его в расчет в своих действиях. Точно так же отдающий императивное предписание может, не будучи непоследовательным или иррациональным, заявить: «Тебе следует заплатить налоги до первого января, но не делай этого», в том случае, если он может (или думает, что может) привести другую причину, которая перевесит первоначальную.

III

Теперь мы можем описать некоторые из трудностей, которые стоят перед сторонниками любой теории, сводящей моральные высказывания к императивам. Во-первых, так как стало ясно, что императивная форма сама по себе не составляет никакого определенного класса высказываний, очевидно, что для сравнения с этическими высказываниями необходимо подобрать другой, более четко определенный, класс высказываний, который может быть выражен посредством императивов. Во-вторых, мы также выяснили, что в случае, когда класс высказываний может быть определен как случай «говорения чтобы», а не «говорения что» или «говорения как», мы должны предоставить более точное определение, нежели просто «говорение чтобы». Сказанное только что о командах и приказах позволяет нам сделать вывод о том, что мы едва ли сможем достичь ясного понимания этических высказываний, сравнивая их с ними. Следовательно, если моральные высказывания имеют форму императива или подобную ему форму, то класс императивных предписаний можно рассматривать как включающий в себя также угрозы, предупреждения и советы. Но проведенное нами исследование этого класса предписаний, по-видимому, делает *любое* сведение этических высказываний к императивам крайне маловероятным, так как в рамках этого исследования по меньшей мере *высказывается гипотеза*, что в моральном дискурсе настоящие императивы занимают крайне ограниченное место и что собственно этические компоненты морального высказывания могут быть обнаружены в утверждении, обосновывающем императивное предписание, но не в самом предписании. Именно это было показано в результате краткого анализа двух типов утверждений «долженствования».

На это можно возразить, что ни одно из этих «долженствований» не является *моральным* «долженствованием». Первое должно быть исключено на основании того, что оно продиктовано благоразумием и имеет гипотетический, а не собственно моральный характер, второе — на том основании, что это социальное и подкрепленное законом «долженствование», а не индивидуальный моральный принцип. Следовательно, моральное «долженствование» необходимо искать где-то еще, и когда оно будет, наконец, обнаружено, окажется, что, если «должен» здесь является моральным «долженствованием», совет «Ты должен сделать X, но не Y, но сделай Y, а не X» дать невозможно, так как в том случае, когда «дол-

жен» обладает характером императива, каждый, кто подчиняется моральному предписанию, подчиняется и соответствующему императиву. Действительно, считается, что искреннее следование моральному предписанию влечет за собой не только принятие соответствующего императива, но и действие в согласии с этим императивом. С другой стороны, в рамках описанного мной подхода я могу искренне принимать и верить в утверждение, что вы должны сделать одно, но указать вам при помощи императивного предписания, чтобы вы сделали нечто другое. Я могу даже искренне соглашаться и верить в то, что я должен сделать одно, но найти причины для того, чтобы сделать нечто другое.

Следовательно, остается отыскать этическое «долженствование» и посмотреть, связано ли оно каким-либо иным образом с повелительным наклоном. Этот поиск может показаться бесплодным, так как первый тип «долженствования» в действительности относится к телеологической этике, в рамках которой от действий человека зависит его благополучие, причем само понятие блага лежит в основании морали. Таково наследие Аристотеля. Второй тип «долженствования» является отличительным признаком этик, в рамках которых системообразующими являются божественные установления, а моральные правила обладают тем же статусом, что и законодательные акты. Таково наследие стоицизма и Торы. Если эти типы «долженствования» укоренены в этиках, имеющих настолько важное значение, то как может некоторое другое «долженствование» претендовать на звание *единственного* этического «долженствования»? Тем не менее следовать такой линии рассуждения означает упустить из виду самое главное.

Представим себе общество, в котором главенствующей является аристотелевская этика, иудеохристианская этика или, возможно, их синтез. Понятие «долженствования» в этом обществе будет использоваться так, как я описал, и отношение «долженствования» к императивным предписаниям будет таким же. Но предположим, что вера в Божественный закон ослабнет и люди откажутся от ранее общепринятого понимания блага. Тем не менее они будут продолжать использовать слово «должен», но уже в новых контекстах. Они, безусловно, будут с немалой долей скепсиса задаваться вопросом, должны ли они подчиняться закону Божьему и придерживаться традиционного понимания блага. Использование понятия «должен» будет в таких случаях отличаться от традиционного. Если «должен» будет применяться для усиления императивного предписания, оно лишь внесет эмоциональную окраску. Остается ли в отдельном предложении «Ты должен сделать X, а не Y» какая-либо сила, кроме силы повелительного наклона?

В такой ситуации расцветут эмотивистские и прескриптивистские теории, в сущности, любые теории, сводящие «долженствование» к императивным предписаниям. В определенной степени они будут соответствовать действительности, так как будут вполне корректно описывать функционирование в языке высказываний, вырванных из того контек-

ста верований, который был необходим для их понимания в прошлом. Более того, став популярными, такие теории смогут распространить в языке тот тип употребления, который они сделали предметом своего анализа. Такая инновация, по всей вероятности, создаст значительное смысловое напряжение. Структура нашего языка, как можно предположить, будет такова, что утверждение о том, что высказывание формы «Ты должен сделать X, а не Y, но сделай Y, а не X» является бессмысленным, указывает на неискренность и содержит противоречие, станет более невозможным. Тем не менее тенденция использовать подобные тезисы для объяснения того, как теперь используется «долженствование», станет повсеместной.

Быть может, наше положение именно таково, и эта гипотеза вполне правдоподобна. Если она верна, то согласиться с заключением о невозможности сведения моральных высказываний к императивам означает проигнорировать вызванные социальной историей изменения в языке. А это лишь подтвердит идею, проходящую через весь этот очерк: попытка описать определенный класс высказываний при помощи указания на их грамматическую форму является одним из наименее удачных способов применения лингвистических классификаций в философском исследовании.